НАУКА УРАЛА

ОКТЯБРЬ 1994 г. № 17 (622)

Газета Уральского отделения Российской Академии наук

50 лет
Институту экологии
растений и животных

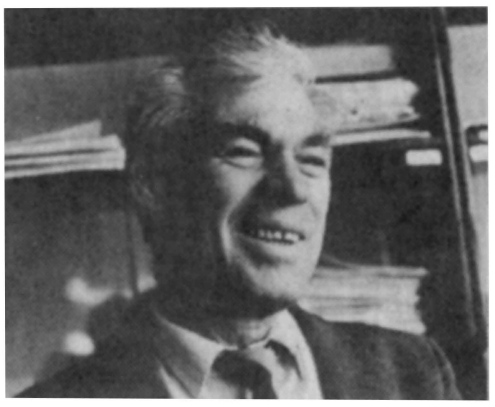
— Стр. 5-7

Б.П.КОЛЕСНИКОВ
ХРАНИТЕЛЬ
ТРАДИЦИИ
ОПТИМИЗМА

— Стр. 4

50 лет Институту экологии растений и животных

Л.Ф.СЕМЕРИКОВ: «Жить по траектории здравомыслия»



Накануне празднования 50-летия Института экологии растений и животных УрО РАН наш корреспондент побеседовал с Л.Ф.Семериковым, доктором биологических наук, зам.директора института, главным редактором журнала «Экология».

— Уважаемый Леонид Филатович, учитывая момент, в который мы с вами встречаемся, естественно совершить небольшой экскурс в историю. Итак, институт был основан 50 лет назад, в 1944 г., т.е. за год до окончания войны, — факт весьма удивительный. Какие задачи были поставлены перед новым академическим учреждением?

— Действительно, постановление СНК о создании Института биологии Уральского филиала АН СССР было подписано 18 июля 1944 г., а первые лаборатории начали работать в ноябре. И ничего удивительного в этом нет — очевидно, правительство думало о будущем. Планировалось развитие фундаментальных и прикладных исследований в области лесоведения, геоботаники, сельского хозяйства с целью изучения природных ресурсов Урала. Первым директором был назначен профессор Василий Иванович Патрушев, видный физиолог и генетик, во многих отношениях замечательный человек. В 1948 г. его сменил В.В. Никольский, до этого заведовавший кафедрой микробиологии сельхозинститута. В научных исследованиях стала преобладать сельскохозяйственная проблематика. Впоследствии она была передана УралНИИСХОЗу, выделившемуся в самостоятельное научное учреждение. Вообще наш институт —- своего рода Alma mater: помимо УралНИИСХОЗа от нас отпочковались Институт леса, Институт экологии и генетики микроорганизмов (г.Пермь). В наших стенах зародилась также идея создания Института промышленной экологии.

— В 1964 г. ваш институт был переименован в Институт экологии растений и животных, поскольку получил новую направленность благодаря академику С.С.Шварцу, возглавившему его в 1955 г. — Заслуги Станислава Семеновича трудно преувеличить — ведь он привлек внимание к экологическим проблемам еще в конце 50-х годов, фактически создал школу экологов на Урале. Работы С.С.Шварца по популяционной экологии — значительный вклад не только в отечественную, но и в мировую науку. Его книга «Эволюционная экология животных» была переведена в США. Это был ученый с широчайшим кругозором, ему было свойственно, я бы сказал, глубинное понимание мироздания. Так, он умел увидеть за ничтожными, казалось бы, результатами большое будущее. Считал своим долгом лично выслушать каждого сотрудника, приглашал к себе с докладом по итогам работы и, если уж высказывал одобрение, то выше не было похвалы. Вообще институту везло на неординарных людей. С 1955 по 1961 г. у нас работал Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. О нем сейчас уже много написано. И все же тем, кто с ним непосредственно общался, есть что добавить. На мой взгляд, Д.Гранину, автору «Зубра», не в полной мере удалось показать мощь интеллекта этого ученого, он сосредоточился, скорее, на житейских вещах. У нас в институте Н.В.Тимофеев-Ресовский занимался радиоэкологией, создал новое научное направление. Он поразительно легко ориентировался в других науках, с физиками, химиками, математиками говорил на их языке. Не случайно многие из них попали в его орбиту, обогатились его идеями. Был необычайно жизнерадостен, несмотря на все перипетии своей жизни. Любил говорить: «Науку надо делать весело». А какой это был лектор — покорял аудиторию с первых же фраз. Великолепно проводил семинары в институте — дирижировал ими, как артист. Но, между прочим, в свой круг принимал только тех, кто заслужил его уважение, как он говорил, «людей выше среднего уровня». Как-то мы, молодые люди, пришли к нему побеседовать, так он первым делом предложил нам список из 50 монографий — дескать, прочитаете, через месяц приходите, тогда, может, будет о чем поговорить. Причем авторов, названия и годы издания приводил по памяти — прекрасно ориентировался в литературе. Конечно, Тимофеев-Ресовский оказал огромное влияние на становление научной атмосферы в институте.

Говоря об истории, нельзя не вспомнить и о Борисе Павловиче Колесникове, человеке исключительной эрудиции. Он впервые выделил этапы лесообразовательного процесса, его идеи развития растительного покрова восприняли многие геоботаники, почвоведы. Сегодня в нашем институте трудятся такие старейшие сотрудники, как академик П.Л.Горчаковский, выдающийся ботаник, знаток растительного мира Урала; проф.В.П.Фирсова, крупнейший почвовед, впервые определившая статус бурых почв; проф.Н.В.Куликов, один из первых учеников Н.В.Тимофеева-Ресовского, развивший идеи радиационной биогеоценологии; проф.Л.М.Сюзюмова, специалист в области биохимии, зоологии, иммунологии; проф.В.С.Смирнов, известный зоолог и статистик.

— Насколько мне известно, в 70-80-е годы, в так называемую эпоху застоя, институт успешно развивался, увеличивалось число сотрудников, открывались новые лаборатории.

— В связи с ухудшением экологической обстановки возросла потребность в практических рекомендациях, поэтому в 80-е годы исследования антропогенного воздействия на природную среду вышли на первый план. Были созданы лаборатории экологического нормирования и экологической экспертизы. Прикладные исследования позволили институту поддерживать относительную финансовую устойчивость в современных экономических условиях. И, конечно же, институт сохраняет свой статус одного из ведущих академических учреждений во многом благодаря научному авторитету и организаторской деятельности нынешнего директора В.Н.Большакова.

— Между прочим, у меня сложилось впечатление, что сам Владимир Николаевич не любит привлекать к себе внимание. Первоначально я предполагала побеседовать по случаю юбилея с ним , но он отказался наотрез, не поддавшись ни на какие уговоры. Мотив — с юбилеем института совпадает его личный юбилей.

— Это в самом деле очень скромный человек. Он прежде всего ученый, а не чиновник. Очень демократичен, прислушивается к чужому мнению, с любым сотрудником общается на равных.

— Итак, институту — пятьдесят. В течение этого периода наиболее интенсивного и безответственного хозяйствования человека на Земле вы наблюдаете за процессами, происходящими в биосфере. Многие отечественные и зарубежные ученые, в частности философы, экономисты, высказывали крайне пессимистические прогнозы, предрекали чуть ли не гибель цивилизации в результате экологической катастрофы. Считаете ли вы как специалист, что негативные последствия хозяйственной деятельности человека необратимы?

— Как вы сами понимаете, на этот вопрос невозможно ответить однозначно. Проблема фундаментальная, решить ее не под силу не только отдельному ученому, но и целому институту. Экосистема — это система сверхсложная, состоит из огромного числа элементов, поведение ее определяется бесконечным множеством факторов и потому труднопрогнозируемо. Тем не менее нужно научиться определять траектории ее развития, что важно как для решения многих практических задач, так и для развития теории.

— И все же, если перевести разговор в более конкретную плоскость — каковы масштабы радиоактивного загрязнения Урала?

— Мы занимаемся конкретными исследованиями, в частности работаем по Восточно-Уральскому радиоактивному следу, Тоцкому полигону. Конечно, масштабы загрязнения достаточно серьезны, но все же они несколько преувеличены прессой. В результате у части населения сформировалась прямо-таки радиофобия. Между тем в природе, как известно, существует естественный радиационный фон, более того, без определенного уровня ионизирующих излучений жизнь невозможна. Клетки, полностью защищенные от радиоактивного фона, просто не делятся. С моей точки зрения, если говорить об экологическом состоянии конкретных регионов, то наряду с радиационными огромное значение имеют социальные факторы. Трудно однозначно определить, что в большей мере сказывается на здоровье населения Богом забытых деревень — отвратительное качество воды, нерациональное, скудное питание или же последствия радиоактивного загрязнения. Кстати, что касается масштабов, химическое загрязнение гораздо опаснее радиационного, оно дает больше генетических эффектов.

— Это еще раз подтверждает, что результаты научных исследований резко отличаются от стереотипов обыденного сознания.

— Вот именно. А сейчас, к сожалению, престиж науки явно падает. Многие обращаются к мистике, сообразуют свою жизнь с астрологическими прогнозами — наследием средневековья. Между тем задача науки — не только продуцировать новое знание, но и создавать в обществе атмосферу здравомыслия, гармонизировать его.

Беседу вела
Е.ПОНИЗОВКИНА

Фото С.НОВИКОВА